

18+

ДИСАНА ПРОВОТОВА

ЛЕСНЫЕ
СКАЗАНИЯ

Оксана Провоторова

Лесные сказания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51691446

ISBN 9785449846792

Аннотация

На страницах этой книги вы встретите удивительных, но таких родных персонажей. Кот Баюн, Леший, древестницы и даже сам чёрт расскажут вам интересные истории и приоткроют тайны своей жизни.

Содержание

Черный воин

5

Конец ознакомительного фрагмента.

24

Лесные сказания

Оксана Провоторова

© Оксана Провоторова, 2020

ISBN 978-5-4498-4679-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Черный воин

Эти события произошли давно. Так давно, что верно уже никто и не вспомнит. А если кто вспомнит, то обязательно подтвердит.

Жил в селе Невидовка один паренек. Народом он был не любим, кто-то его даже побаивался. Говорят, что бабка его ведьмою была. Говорят-то, конечно, много чего, только вот и вправду ни одного мужика у него в роду до него самого не было. Не было у него ни отца, ни дядек, ни деда. Вот хочешь верь, хочешь не верь.

А чего его все не любили? Так за язык его. Врать он был горазд. Бывало, как начнет соловьем заливаться, так все ж знают, что врет, а верят уж через секундочку. Приезжие люди так вообще страдали от него сильно. Мог же и деньги выпросить, мол на дело благое – на помощь детям безродным, то на восстановление Невидовского монастыря, какового в селе отродясь не было. Нет, церковь-то была в селе, как же без нее. А вот монастыря-то не было... В общем, наврет складно, что иной заезжий ему весь кошель и отдаст.

А из местных от него девки страдали. Как приметит красавицу, распушится павлином и давай как индюк то одним бочком, то другим, точно пляшет. И хвальбы всякие сыпет, и глазами стреляет, ну не дать не взять кот разжиревший с печи слез. Нужно сказать, не дурен собой был – глаза карие

с красноватым отблеском, точно леденец на ярмарке. Кудри смольные, черные, крутые. Сам высокий, статный. Смотришь на таких и думаешь – вот род постарался.

И вот идет он весь такой к барышне, а та прям млеет на глазах, тает как снег по весне на проталине. Только вот любви то он своей никому еще не обещал. Так, поиграется, покружится и давай к другой хаживать. В общем, не парень, а несчастье на женскую долю.

Звали-то его Тимофей. Имя серьезное у него было, а сам он так себе. Ничего человеческого ему не ценно было. Все мечтал он прославится чем-то, да богатым стать. Так и говаривал: «Придет и в мой дом праздник. Мне много не надо. Денег бы побольше, да и будет. Узнаете тогда, чей Тимофей сын».

Верил он, что отец его из рода знатного, потому и скрывается от него. А как придет время, так он сразу за сыном объявится. То ли мать ему так говаривала, то сам напридумывал, но время шло, а отец-то так и не заявлялся.

А тут как-то по весне приехала в город барышня одна. Прямо одна и приехала. Верхом на коне, черном, гнедом. Вся в нарядах знатных с камнями на перстах. Остановилась в трактире местном. Тимофея-то вид гостыи заинтересовал. Вот и отправился он следом.

В харчевне при трактире душно было, аж дышать нечем. Поела барышня, потом кружку медовухи не хуже мужика заправского осушила, да видать разморило ее. Откинулась

на спинку лавки, да так и уснула.

А Тимофей подсел к ней тихонечко и стал рассматривать. Гостью будто из сказки какой – кожа белая, точно солнца никогда не видала, руки худые, пальцы тонкие, ровные все. Лицо, будто у куклы фарфоровой у барской дочери, и кудри по обоим щекам спадают огненно золотые. Залюбовался Тимофей гостьей. Сердце вдруг сжалось в груди, аж дышать трудно стало. Не сдержался парень и поцеловал незнакомку.

Тут открыла она глаза, а у нее зрачки как у кошки, узкие-узкие. Испугался Тимофей, отпрянул от барышни. А она лишь улыбнулась слегка, руки за голову завела, и точно струна вся вытянулась. А потом снова на парня посмотрела и улыбнулась широко.

– Что, хороша я? – наклонив голову на бок, спросила девушка.

Голос ее был тягучим, точно она не говорила, а пела сладко.

– Хороша! – смутился Тимофей и почесал затылок.

– А пойдешь со мной? Я одна свой путь держу, страшно это. Мне охрана нужна. Ну и друг, – на последних словах голос ее стал особенно мягок и нежен. И Тимофей не задумываясь ответил согласием.

На следующий день сельский паренек покинул дом своих покойных матери и бабки и отправился в дорогу с прекрасной незнакомкой.

Куда путь-то держали и не спросил Тимофей. Все шел

за незнакомкой по дороге как привязанный. А она на коне впереди едет, нет-нет да обернется и глазами стрельнет. А Тимофей-то от каждого взгляда вздрагивает и точно тело все пронзает стрела огненная.

Так и держали путь мимо полей, мимо рек. А к ночи подошли к лесу старому, большому. Сосны здесь в небо упирались, заслоняя звезды. А из леса так ужасом и веет, аж до костей все тело промерзает от него.

Прямо перед лесом остановилась рыжеволосая незнакомка и спешила.

– Ну, что Тимофей, не страшно тебе со мной в лес темный идти? – говорит.

А парень только головой махнуть и смог, мол, не страшно. А сам точно каменный сделался. А чтоб девица не догадалась, он взор в землю потупил. Заглянула в глаза ему девушка, а как страх прочла в них, так смехом таким залилась, что еще больше страшно стало молодцу. Тут ветер налетел, кудри ее рыжие взмыли вверх, а она руки раскинула и как ввысь взмлет, точно стрела.

Тут лес зашумел, заскрипел, заухал. Ветер еще пуще разыгрался, пыль от земли поднял, ветки мелкие поломал, траву порвал и все вихрем закружил. Глядь Тимофей на коня, а тот в том вихре закружился, завертелся, через голову перевернулся и девицей обернулся. Волосы ее чернявые, глаза как два уголька сверкают в почерневшей тьме. Засмеялась и она, и тоже ввысь взмыла. И смех девиц несся по лесу ку-

да-то вдаль, куда и не видно. Эхом отдавался и все в уши Тимофею лез.

Попятился парень назад, да и упал.

– Ведьмы. Точно ведьмы. Вот попал я – пронеслось у него в голове.

Но не успел домыслить фразу ту, как одна за другой свалились на него с неба три тени, да мешок ему на голову, руки за спину заломили, да связали. Дыхание от ужаса у парня так и сперло.

А смех снова раздался. Страшный и резкий. Тут почувствовал Тимофей, как с земли он подниматься стал. Как будто силы неведомые подхватили его и понесли куда-то. Летит Тимофей, в воздухе точно дитя неразумное в руках матери барахтается, а вырваться не может. А как устал барахтаться – повис, а потом как вдруг рухнет наземь. Упал и ушибся так, что боль по всему телу растеклась как молоко. Тут он с сознанием своим и расстался.

***

Очнулся Тимофей не сразу, а уж к утру. Разбудил его петух своим криком. Встала птица перед ним, да как заголосит. Он так и очухался, вскочил на ноги, да и попятился от него подальше. А петух знатный – сам черный весь, а гребень красный, точно кровь.

Отошел от страха паренек и стал оглядываться, где он есть. Кругом все темно. Только место где он да петух стояли – лучом солнца утреннего освещено.

Чует Тимофей, под ногами сено шуршит, руку протянул – стена дощатая. Стал во тьму вглядываться – толи сарай какой старый, толи курятник. Да и впрямь похоже курятник, откуда ж еще петуху взяться.

Смотрит молодец, а нет уже петуха. Куда делась птица? Присел на корточки парень и стал звать его, точно друга потерял. Тут в дальнем углу зашевелилось что-то. Только захотел он посмотреть, что там, как черная тень огромная стала на него идти. Отпрянул он. И снова страх обуял.

Из темноты вышла на свет девушка. Вся в черной одежде, толи шелковой, толи еще из чего. А одежда вся блестит и синевой переливается. Лицо белое, угловатое.

Жутко стало Тимофею, и сжался он весь, точно в комок собрался.

– Боишься меня? – спросила странная девица.

– С чего это? – возразил Тимофей. – Что ж ты со мной сотворить можешь?

Вымолвил слова те молодец и в ту же секунду пожалел. Глаза госты сверкнули огнем. Не успел он и моргнуть, как она оказалась подле него. Схватила за горло, впиалась ногтями, да так и протащила по полу в темноту, пока спиной не ударила о стену.

– Да, все что хочешь, – зашипела она на него.

Глядит Тимофей и глазам не верит – а девка-то на земле не стоит, а над землей висит. Сдавила она ему горло еще крепче, что аж захрипел он, да как подняла его вверх.

Висит Тимофей, весь опух, глаза уже кровью наливаются – дышать не может. Тут в глазах его и помутнело. Разве что и смог различить, как яркий свет ворвался в темницу.

***

Очнулся парень, когда ударил его столб ледяной воды. Подскочил бы, да двинуться не может – руки, ноги в оковах. И цепь к ним привязана. Оковы тяжелые и на шее висят. А вокруг светло все, но различить никак не возможно.

Зрение-то постепенно стало проясняться. И увидел Тимофей, что сидит он на площади. Только брусчатки каменной нет. За спиной колодец. А перед взором – огромный деревянный город. Терема высокие, резные. Есть где и в два этажа. А за домами, куда не глянь – лес.

Ходят по улицам туда-сюда девки. Мужиков и не видать вовсе, сколько не вглядывался.

– Куда ж это меня занесло? – подумал Тимофей про себя.

– Это Зачин, – раздался голос позади парня. Он попытался обернуться и посмотреть, кто говорит с ним, но тяжелые оковы лишь гроыхали в насмешку. И тогда кто-то обошел колодец и подошел в плотную к сидевшему на земле юноше.

Повернул Тимофей голову и увидел ту, что привела его за собой сюда, как послушного пса.

– Я – Всемила, а это сестра моя Бояна, – сказала девушка. Голос ее был мягок и нежен, точно пытался утешить. Девушка опустилась на колени. За ее спиной показалась та, что душила Тимофея накануне утром. Завидев обидчицу, парень по-

пытался отползти подальше, но как только ему удалось переместиться чутка вправо, тяжела цепь зазвенела и резкая боль пронзила шею.

Рыжеволосая девушка протянула Тимофею кружку.

– Ты не бойся ее, она не злая, – заулыбавшись сказала Всемила.

«Не злая, – подумал про себя, парень. – Я думал, сожрет меня с потрохами».

Девушки переглянулись в этот самый миг и обе заулыбались. Бояна махнула рукой и скрылась где-то за колодцем.

– Ты уж, будь добр, поласковее и подобрее думай, – промолвила тут Всемила.

– Я так и думал, вы – ведьмы! – произнес с усмешкой парень и отхлебнул из кружки большой глоток воды. Но он так давно не пил, что все горло ссохлось и вода никак не хотела проглатываться.

Девушка лишь заулыбалась в ответ.

– А ты не любишь ведьм? – протянула она слова как песню и, опустив глаза, слегка улыбнулась.

– Какое мне дело до ведьм. Я просто не понимаю, чего меня сюда притащили, – в отчаянии забормотал парень, едва не срываясь на крик.

– А тебя никто не тащил сюда. Ты сам пришел, – раздался вдруг грубый женский голос.

Солнце светило теперь прямо в глаза Тимофею и он не сразу мог разглядеть того, кто загородил ему его свет.

– Нам ты был обещан, но матери твоей пришлось скрыть тебя, чтоб уберечь нас всех. Я – Вышеслава и я знаю о тебе больше, чем ты сам.

Ты был дан нам родом для защиты нас всех, но ты же мог стать нашей погибелью. Потому твоя мать и бабка взяли тебя, и ушли из Зачина. Когда их не стало, мы не знали что с тобой. Видимо твоя матушка позаботилась о твоей защите, но забыла, что и нам будет невозможно тебя найти. Теперь ты там, где должен быть.

Дородная женщина, статная и высокая опустила перед Тимофеем точно гора. Ее лицо было широким и белым. Глаза зеленого цвета смотрели на парня и точно прожигали его насквозь.

– Хватит дурить, Тимофей. Теперь ты дома и должен выполнить свой долг...

– Я никому и ничего не должен, – перебил ее разгневавшийся парень. – Откуда тебе знать, кто я. Я впервые тебя вижу. А матушка, о которой вы так долго мне сейчас рассказывали, о вас ничего мне не рассказывала. Зато рассказывала с незнакомыми дядями и тетями никогда не разговаривать, а то беда приключится.

– Это уж точно, – вмешалась Всемила в его речь. И тут десяток женщин, окруживших пленника за это время, разом засмеялись.

Смех их раскатом пронесся над площадью и понесся дальше по улице меж домами.

– Пусть посидит пока, – сказала женщина и поднялась с колен. – Ему полезно.

***

День тянулся, казалось, бесконечно. К полудню солнце припекало так, что колодец за спиной Тимофея стал точно сковорода. Он отстранился от него. Голову напекало. Юноша то проваливался в небытие, то снова возвращался в этот мир. На площади стало пусто. На улице дальше – тоже не было ни души. Город точно вымер.

Больше не в силах сопротивляться, Тимофей повалился на землю и потерял сознание.

***

Безумный крик переходящий буквально в тонкий писк словно пронзил Тимофея. Он открыл глаза и попытался оглядеться. Вокруг было темно и почти ничего не возможно было разобрать. Лишь шум. Он нарастал. Стали мелькать отдельные огоньки, женские голоса были встревожены, кто-то из них переходил на крик. Через минуту на площади сотворилась суeta и суматоха. Вокруг запылали пламенем факелы, и стало светло.

Напуганный происходящим и ничего не понимающий Тимофей попытался несколько раз подняться на ноги, но они не слушались его. Внезапно он почувствовал на своих запястьях чьи-то руки. Он обернулся и увидел Всемилу. Та пыталась освободить его от оков.

– Что происходит? – спросил юноша.

– Они пришли за нами, – лишь отрезала девушка. – Помоги нам, я умоляю тебя!

В этот самый миг оковы грохнули о землю, девушка схватила лежащий у ее ног огромный изогнутый нож и побежала куда-то вперед.

Тимофей еле поднялся, но поспешил за ней следом. Он почти бежал, насколько позволяли ему ослабевшие ноги, но ему казалось, что это настолько медленно, что даже стыдно. Он заглядывал в лица женщин, находящихся в тот самый момент на площади. Кто-то из них стоял суровый и серьезный, у кого-то на лице был написан жуткий страх, кто-то еле сдерживался, чтобы не разрыдаться. Но почему-то все они стояли недвижимые и смотрели куда-то в сторону. Только теперь он заметил, что недалеко от места, где он был прикопан, между теремами проглядывала огромная каменная стена. И прямо здесь в эту огромную стену, которая каким-то не понятным образом оставалась невидимой им, были врезаны невероятных размеров ворота.

Внезапная тишина пронеслась над головами всех. Не стало слышно ни птиц, ни даже ветра. И тишину эту уже через миг прервал невероятно громкий и страшный рык. Ворота вдруг затрещали. Огромные засовы хрустнули. Раздался пронзительный скрип и скрежет. Правая воротина дрогнула, покосилась и рухнула. И вновь пронеслась тишина. Тимофей взгляделся в темноту, а из нее в отблесках факелов вдруг загорелись два, потом еще два, потом еще два... Огромные

желтые глаза.

Резкий запах псины донесся до парня и тихий, почти шипящий рык.

– Вперед! – разрезал ночь напополам крик Вышеславы. Грозная, огромная, она будто на глазах округлилась, потом вытянулась и превратилась в огромную серую кошку. Тимофей обернулся назад, и десятки существ за ним, толи женщин, толи уже кошек, уже бежали за ней следом.

Он упал наземь и они пронеслись прямо над ним, временами задевая и царапая его.

Страшный вой, рев, шипение, шум стоял позади. Тимофей полз не поднимая головы и не оборачиваясь назад. Полз медленно, как избитый пес, трусливо бегущий от соперника.

Шипение и рев перемешались с женскими криками, воплями, пронизывающими визгами.

Тимофей дополз до колодца и наконец осмелился обернуться. Уже на улице происходила какая-то возня. Он всмотрелся в происходящее и замер. Не далеко от того места, где он стоял несколько минут назад и откуда бежал как последний трус, рвался огромный пес. Сверкнув клыками он схватил одну из кошек, которые были похожи рядом с ним на котят.

Еще одну он придавил тяжелой грузной лапой. А после поднял и посмотрел на землю. Прямо перед ним лежала вся в крови девушка.

Он попытался схватить еще одну кошку зубами, но тут

его взгляд встретился со взглядом напуганного Тимофея. Пес внезапно остановился и в этот самый момент прямо ему на хребет прыгнули серая и огненно рыжая кошки. Они попеременно пытались достать до самой глотки пса, но тот очнулся и стал сопротивляться. Он как-то умудрился схватить серую кошку за лапу и скинуть с себя. Но как только он попытался ее раздавить, как рыжая ловко сползла на когтях вокруг его шеи. От боли пес взвыл и запрокинул голову. В этот самый момент юркий противник вцепился ему в глотку зубами и вырвал кусок окровавленной шерсти. Пес взвизгнул и рухнул на землю. Рядом с ним упала обессиленная победительница. А Тимофей еще долго всматривался в темноту ночи.

***

Семь дней и семь ночей не приходила в себя Всемила, оставаясь в образе огромной рыжей кошки. Из ран на ее груди, оставленных укусом огромного пса, постоянно сочилась кровь. Тимофей, неизвестно кем приставленный к раненым, тяготился тем, что не смог или не захотел ничего предпринять в той жестокой схватке. Он прокручивал в голове первую встречу с Вышеславой, когда она уверяла парня в том, что он должен им помочь. Возможно почти уже бездыханная Вышеслава ошиблась и он ничтожное существо, которое не способно ни на что более как отползать назад со стеклянными от страха глазами. Впервые за многие годы Тимофей взглянул на всю свою жизнь совершенно под дру-

гим углом. Кем или чем он был? Родная деревня оказалась ему совершенно не родной. Он прожил в ней девятнадцать зим, имел множество друзей, но смог оставить все это в один день.

Кто любил его? Кого любил он? Да по сути никто и никого. В детстве он остро ощущал нехватку этого чудесного чувства, которое так и не коснулось его сердца. Он так часто наблюдал, как его ровесников матери с любовью трепали по голове, нежно, но крепко обнимали, слышал, как восхищались и хвалили их. Но ни разу Тимофей не видел этого от своей матери.

Бабка их умерла так давно, что как ни старался парень, не смог вспомнить даже ее лица. Кто-то из старых товарищей позже рассказал ему услышанную от своих знакомых историю, о том, что та промышляла заговорами и была весьма мстительной бабой, которую деревенские часто попросту боялись и избегали.

Дурная слава легла и на мать Тимофея, когда ту обвинили, что она сглазила дочь деревенского старосты и та из красавицы превратилась в рябую и косую страхолюдину. Причем одним днем. И все потому, что положил на нее глаз один деревенский мужик, заходивший ни раз к ведьме.

Уж так водится на нашей земле – дети отвечают на все грехи родителей – и свершенные, и приписанные. Ведь род человеческий зачастую обделен бывает и умом, и разумом. И так же точно воспитывает смену себе.

В общем и целом парень не особо переживал о ходивших в деревне разговорах. Но тревожился о том, как реагировала на них мать. Женщина год от года замыкалась в себе, почти ни кем не разговаривала. И в конечном итоге отдалилась и от своего сына. Они почти не разговаривали. Лишь однажды, дней за пять до своей кончины, мать позвала юношу и, притянув его рукой к себе, молча поцеловала его в лоб, а после несколько минут смотрела ему в глаза. Тимофей ждал, что она заговорит с ним. Но она так и не проронила ни слова. А после она легла на свою постель и так пролежала пять дней пока ее душа не покинула тело.

Тимофей, столько лет живший в одиночестве под одной крышей с самым кровным человеком, так и не смог до конца понять, что произошло в его жизни.

Сейчас же, в Зачине, ухаживая за совершенно чужими людьми, которые так нуждались в нем, он больше не считал себя не нужным и бесполезным. Он видел глаза Вышеславы в те редкие мгновения, когда вся израненная после битвы она приходила в себя. Лица еле живой женщины касалась улыбка, когда рядом появлялся Тимофей, а в глазах загоралась надежда.

Лучше Вышеславе не становилось, в отличие от Всемилы. Спустя семь ночей рыжеволосая красавица с петухами, провозгласившими начало следующего дня, приобрела узнаваемые черты прелестницы. Она начала дышать ровнее, а кровь наконец-то остановилась и капля ее красным рубином засты-

ла на груди поверх белых тканей, которыми все это время пытались остановить ее течение.

В ту самую минуту сердце Вышеславы перестало биться.

***

Тимофей уже перестал вызывать какой-то особый интерес у жительниц Зачина. Постепенно он стал чем-то обычным, но вместе с тем, пока еще все таким же непонятым по своей природе. Он думал иначе, говорил иначе. И хоть никогда не вмешивался в дела городские, зачастую невольно помогал женщинам умерить свой пыл и эмоции и иначе посмотреть на какой-то вопрос, дабы достичь согласия и понимания. Тимофею, воспитанному женщинами, было это совершенно не сложно и абсолютно понятно.

После смерти Вышеславы пост старейшины заняла Всемила, которая как оказалось, на протяжении долгих лет служила старейшинам и жителям Зачина, часто рискуя собой. Как посчитали на вечерне, Всемила доказала свою преданность, а потому имеет право возглавить деревню и все дела ее.

Тимофей такому решению оказался весьма рад. Тем более, что они успели по-настоящему сродниться. Тимофей ухаживал за Всемилой и впервые в жизни чувствовал свою важность здесь, в Зачине, для его жителей, которые отдавали юноше свое тепло и добро. Всемила была с ним по-особенному обходительна. Она держала свою статность и горделивость, но между тем не редко проявляла невероятную теп-

люю нежность. Правда, больше такие проявления походили на забыты, в которые время от времени проваливались эти двое, оставаясь наедине.

И вот однажды во время одного из таких моментов с Тимофеем произошло нечто странное.

Прогуливались юноша и девушка тогда вдоль речки, что текла неподалеку от Зачина. Тропинка вдоль реки вела узенькая. И чем дальше дорожка, тем уже становится. Идут Тимофей и Всемила по тропинке все ближе и ближе. И тут, словно искра попала на ладонь Тимофея. Огненная и жгучая. А то не искра была, а рука девушки. Да только не сразу понял то парень. В тот самый момент, как почувствовал огонь в ладони свой, Тимофей увидел перед собой огромного пса со стекающей из пасти слюной. Пес кинулся на парня, тот пошатнулся и повалился наземь. Закрыл он от ужаса лицо рукой, да только слышит встревоженный голос подруги. Открыл он глаза, а перед ним одна Всемила и нет никакого пса. Рассказал он тогда девушке о видении, а та ничуть будто и не удивилась.

– Говорят, сила в тебе невозможная и могущество, что всех псов замолчать заставит, – промолвила девушка.

– Да и что ж эта за сила такая, коль я сам о ней не знаю? – спросил Тимофей.

– Время всему свое – и силам, и знаниям. А пока жди, да открывай в себе двери, мало ли что за ними...

Не понял тех слов Тимофей. А потому по обыкновению

своему решил тему-то разговора и сменить.

– А зачем эти псы в Зачин? – спрашивает.

Улыбнулась Всемила, будто поняв уловку друга, но продолжила разговор:

– Ищут они то, чего нет у них и не будет никогда. Что есть у нас и хранится надежно, под семью замками. Верят псы, что даст им это силу вселенскую и мощь небесную.

– Что ж это такое за чудо, – спрашивает.

– А это, Тимофей, тебе рано знать. Но вот оберегать придется.

В доме старейшины спрятан сундук с самым ценным, что есть у нас. Если не сберечь это и отдать злодеям, то смешается все, и ложь станет правдой, а лекарство – ядом.

Сердце Тимофея наполнилось тревогой какой-то и беспокойством.

***

Прошло лето, промелькнула осень. И лишь зима белоснежная тянулась долго и мучительно. Хоть жители Зачина не скучали и тогда, когда ворота крепости окончательно занесло снегом. Здесь кипела жизнь, и все были заняты делом. А в часы свободные придавались забавам: строили снежные крепости, катались на санях, а вечерами затягивали длинные печальные песни о весне и солнце.

И солнце пришло. Пришла и весна. За все это время Тимофей сроднился со всеми многочисленными сестрицами, помогал им чем мог, а если не мог сразу решить вопрос, все

равно не отступал. Изучал все внимательнее, делил на маленькие шажки и проходил этот путь. А как иначе? Ведь кроме него никто не мог помочь женщинам.

Тимофей мужал на глазах. Теперь уже никто не смеялся над ним, как в первый его день в Зачине. Его уважали, почитали и любили. Сказать взаправду, Тимофею было здесь уютней и роднее, чем дома. Кто-то из сестриц заменял ему мать, кто-то сестру, а кто-то был заботливее и ласковее жены. Но вот по сердцу Тимофею была только одна – Всемила. Правда, с зимы девушка от него заметно отдалилась. Навалилось на ее плечи бремя тяжелое. Теперь уже некогда было забавляться и веселиться ей, приходилось решать вопросы важные, судить женщин в их постоянных спорах и решать вопросы хозяйственные.

С приходом весны работы и у жителей прибавилось. Приходилось Тимофею и плуг освоить, и работу руками делать, и даже чинить то, что раньше выкидывал. Много работал Тимофей. И чем больше работал, тем ценнее становился для него труд. Было и сложно. Женщины Зачина помогали ему, чем могли. Но не было большей для него помощи, чем благодарные взгляды, скромное «спасибо» и стеснительные их улыбки. Чувствовал юноша небывалую силу во всем этом и поддержку. И казалось, что совсем уже осмелел он и сердце его открылось будто бутон невероятного по красоте цветка. И тогда стал чувствовать Тимофей, что просыпается и в нем сила необычная, небывалая. И не в руках она вовсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.